

КРИЗИС КАК ИММАНЕНТНОЕ СОСТОЯНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ЭПОХИ

С. Е. Руженцев, А. В. Смирнов

Воронежский государственный медицинский университет имени Н. Н. Бурденко

Поступила в редакцию 18 января 2023 г.

Аннотация: в статье предпринята попытка осмысления происходящих сегодня кризисных процессов через призму понятийно-концептуального аппарата А. А. Зиновьева. Анализируя разнообразные проявления современного глобального кризиса, авторы приходят к выводу, что его сутью и одновременно причиной является рассогласование целей общественного развития и используемого для достижения этих целей набора средств и методов. Инверсия целей и средств ведет к перманентной дезорганизации всей социальной жизни. Важной стороной кризиса и одновременно механизмом его купирования выступает имитация демократических институтов.

Ключевые слова: дезориентация, демократия, имитация, кризис, общество, социальный институт.

Abstract: the article attempts to comprehend the crisis processes taking place today through the prism of the conceptual apparatus of A. A. Zinoviev. Analyzing the various manifestations of the modern global crisis, the authors come to the conclusion that its essence and at the same time the cause is the mismatch of the goals of social development and the set of tools and methods used to achieve these goals. The inversion of goals and means leads to permanent disorganization of the entire social life. An important aspect of the crisis and at the same time the mechanism of its relief is the imitation of democratic institutions.

Key words: disorientation, democracy, imitation, crisis, society, social institution.

В процессе изучения и концептуального осмысления проблем современного российского общества возникают непростые вопросы: насколько адекватно и объективно мы знаем и понимаем свое общество, его потребности и возможности, его природу и тенденции развития. Без ответа на эти и подобные вопросы становятся неопределенными и бессодержательными ответы на другие насущные вопросы. В частности, способно ли российское общество быть полноценным социальным субъектом, какие в нем сложились формы макроструктурных взаимодействий и способны ли они обеспечить выживание и цивилизационное развитие России?

Своей задачей мы видим попытку приложения концептуального и понятийного аппарата, разработанного А. А. Зиновьевым, для понимания и осмысления современных социальных трансформаций, для теоретической рефлексии противоречивых процессов, которые происходят в современном человеческом обществе XXI столетия. Очевидная необходимость осмысления и концептуализации происходящих социальных изменений определяет высокую актуальность нашей работы.

Наследие А. А. Зиновьева представляет собой бесспорный интерес для отечественной и мировой гуманитарной мысли. И этот интерес в современных кризисных условиях будет только возрастать. Рост этого интереса обусловлен самой обстановкой кризиса современного мира, которая уже приобретает глобальный характер. А ведь признаки такого кризиса А. А. Зиновьев выделил еще в 90-е гг. XX столетия. Глубинной основой кризисных процессов он полагал крах советского государственного социализма, надлом западной модели либеральной демократии, отсутствие реальной социальной альтернативы западной организации социума в условиях глобального кризиса.

Проблемы, которые пытался обозначить и осмыслить А. А. Зиновьев, вызывали и продолжают вызывать значительный интерес отечественных исследователей. Так, А. А. Галкин признавал, что либеральная демократия выхолащивает содержание гражданского волеизъявления, фактически парализуя и редуцируя гражданскую активность через навязывание «репрессивных потребностей» [1, с. 12]. В свою очередь, В. Н. Дежнев рассматривает кризисное состояние

современного российского общества как следствие противоречия между складывающимися негативными явлениями и жизненного опыта людей, разрушения их привычных традиционных ценностей [2, с. 109]. Однако существует также и такой подход, который признает неизбежными процессы глобализации, сопровождающиеся трансформацией положения отдельного индивида, необходимостью принятия процессов мультикультурализма [3, с. 39].

Отечественные авторы анализируют влияние глобальных процессов на российское общество. Многие авторы (Л. А. Беляева, Н. И. Лапин, Н. Ф. Намумова, В. Г. Федотова) квалифицируют российскую модернизацию как «догоняющую» или «тупиковую». Модернизация в России трактуется ими как специфический вариант глобальных трансформационных процессов или как характерная для отсталых стран модернизация «вдогонку» с ее тяжелыми социально-экономическими последствиями и высокой человеческой ценой.

Поставленную А. А. Зиновьевым проблему имитации развивают современные авторы. В частности, Б. В. Дубин анализирует феномен ритуализации политической жизни в России, который автор связывает с нарастающим расхождением между большинством общества и его элитами, а также с разрывом между адаптивно-прагматическим и интегративно-символическим планами массового существования [4]. Несколько иначе к проблеме подходит Е. В. Барышева. Она фактически легитимизирует имитацию, характеризуя ее как «конструирование социальной среды» [5].

Происходящие сегодня масштабные цивилизационные изменения воздействуют не только на экономические процессы, но и существенно трансформируют социальные и культурные условия жизни конкретного индивида. Поэтому особое концептуальное значение приобретает острое замечание А. А. Зиновьева в отношении западных образцов, идеалов и ценностей, навязываемых российскому обществу: «В реальности происходит, с одной стороны, неуклонная деградация во всех основных аспектах жизни общества. А с другой – разрастается и процветает показной, театральной, виртуальный аспект жизни, имитирующий подъем, освобождение, возрождение России. Чем глубже деградирует страна, тем помпезнее и ярче становится имитационная маскировка деградации» [6, с. 210].

Данное замечание А. А. Зиновьева примечательно в двух отношениях. Во-первых, в нем дана четкая констатация дискредитации, точнее самодискредитации западных идеалов и ценностей, снижение их привлекательности и мотивационной силы. Во-вторых, А. А. Зиновьев подчеркивает, что в отношении западных стандартов ведущей реакцией в российском

обществе становится имитация. Западные нормы и ценности агрессивно и навязчиво декларируются, однако их реальное содержание и практика применения являются весьма далеким от деклараций. Более того, как отмечает автор, деградация той или иной страны стимулирует имитацию, которая становится всё более «помпезной и яркой».

Под имитацией Т. А. Шалюгина предлагает понимать «процессы социального действия, связанные с подменой предметно-смысловой реальности путем конструирования символической социальной реальности, создания видимости» [7, с. 5]. Иначе говоря, это стереотипы и образы реальной действительности, замещающие саму объективную действительность. По мнению А. А. Зиновьева, имитация представляет собой «сознательные действия людей по созданию объектов-имитантов, которые, по замыслу этих людей, должны воспроизводиться как объекты-подлинники. Это делается как подражание и подделка для создания видимости» [8, с. 429].

Имитация выступает одним из важнейших инструментов и оснований технологий социальных манипуляций. Социальные манипуляции позволяют скрытно управлять сознанием и поведением социальных групп и организаций. Как замечает А. Н. Медушевский, «манипулятивные технологии основываются на создании искусственного образа реальности как комбинации элементов доказательного знания и эмоциональных суррогатов. Результатом их широкого использования становится рост отчуждения и фрустрации в обществе» [9, р. 170].

Следует признать противоречивое воздействие имитации на социальные и политические процессы, как в России, так и в западных обществах. С одной стороны, имитация позволяла сравнительно успешно купировать недовольство в обществе, переключая внимание граждан с острых социальных проблем на формально-процедурные вопросы, на идеологические конструкты и пропагандистские клише. Однако, с другой стороны, длительное и масштабное использование имитаций препятствует своевременному выявлению и осмыслению происходящих социальных процессов, разработке эффективных способов оптимального решения накопившихся проблем социума. Иначе говоря, опора на имитацию ведет к накоплению и обострению социальных и политических противоречий в любом обществе. Одними манипуляциями невозможно решить социальные проблемы.

Широкое использование разнообразных практик социальной имитации служит не просто манипуляции общественным сознанием, но и позволяет существенно трансформировать критерии и цели социального развития общества. В частности, возникшая как институт реализации личных прав и свобод индивидов, демократия постепенно превратилась в инструмент

решения любых социальных проблем в интересах властной элиты. Как откровенно признал Ф. Хайек, фактически «...мы переходим к системе, в которой одна группа людей может объявить всё, что ей угодно, делом, насущным для всех, и на этом основании использовать общепризнанную процедуру для проведения своих решений в жизнь» [10, с. 331].

Для защиты от произвола и злоупотреблений власти демократия имеет несколько важных механизмов. Ведущими защитными механизмами служат разделение властей и верховенство права. Однако политическая целесообразность и частные интересы элитных групп превращают эти механизмы в фикции, в имитации «сдержек и противовесов» [11, с. 101].

Вообще-то одним из основополагающих принципов и ценностей подлинной демократии является защита народа от возможных злоупотреблений своими полномочиями со стороны административного аппарата власти, деятельность которого в идеале должна быть направлена на обеспечение необходимых для реализации общественных интересов условий. Однако на практике властные институты ориентированы в основном на реализацию собственных сиюминутных корпоративных и частных интересов, существенно отличающихся от общественных интересов. А демократия при этом фактически подменяется господством формальных процедур и демагогической фразой.

Такая инверсия содержания и формы демократии закономерно приводит к тому, что западные стандарты социальной жизни превращаются в «симулякры». В результате современное западное общество перестает выступать воплощенным «идеалом» демократии, убедительным символом «свободы, равенства и братства», что декларировалось десятилетиями. На наших глазах западное общество XXI в. практически трансформируется в общество формализованного и лживого правового нигилизма, отчетливо тяготеющего к режиму латентной диктатуры вплоть до тоталитарной перспективы. Более того, всё более вероятной тенденцией дальнейшей эволюции либерального западного общества становится сползание в социальную дезорганизацию. Все эти процессы и тенденции вынуждают ставить под сомнение правомерность и обоснованность навязываемых западных идеалов и социальной модели.

Более того, можно с полным основанием утверждать, что проблемы реализации либерального варианта демократии обостряются закономерно именно там, где идет агрессивное навязывание западной модели безусловного индивидуализма и безудержного потребительства. Ведь при этом обязательно возникают обоснованные сомнения в отношении эффективного демократического контроля гражданского общества над элитой, полноценно работающей об-

щественной самоорганизации, предотвращения произвола власти и ее олигархического перерождения.

Заметим, что прекрасные в теории высокие идеалы свободы и равенства должны на практике наполняться конкретным содержанием в сложившихся общественно-исторических условиях, формируя приемлемый для большинства общества баланс прав и ответственности. Причем это баланс прав и ответственности распространяется не только на взаимосвязи между отдельными индивидами, но также определяет отношения между личностью и государством. Как правило, сложившийся в определенных исторических условиях баланс отношений напрямую не связан с содержанием демократического идеала, с обеспечением интересов большинства граждан, хотя декларативно апеллирует именно к ним. Поэтому следует откровенно признать, что в современном мире демократия фактически выступает в виде своеобразного общественного идеала, претендующего в своем фетишистском воплощении на роль экзистенциальной идеологии социума.

Однако в реальной действительности демократические идеалы все более выхолащиваются и формализуются. Место высоких демократических идеалов занимают их муляжи, более или менее искусно имитирующие ценности гуманизма и народовластия. Всё это делается в первую очередь для того, чтобы декорировать и маскировать пафосными декларациями реальную политику правящих элит.

Как видим, в западном обществе становится все более наглядной и очевидной внутренняя противоречивость демократии, точнее, господствующей модели либеральной демократии. Эта модель лишь декларирует демократию на ценностно-смысловом уровне, на уровне культурного кода. В действительности же ткань социальных отношений западного общества функционирует в реальном авторитарном режиме. Вскрывая эту имманентную противоречивость западной демократии, А. А. Зиновьев еще в 1993 г. подчеркивал: «В деловых клеточках западнизма нет никакой внутриклеточной демократии. Внутри клеточек царит трудовая дисциплина, можно сказать, деловая диктатура. Западное общество, будучи демократическим в целом, то есть политически, является диктаторским социально, то есть в деловых клеточках» [12, с. 71].

Как видим, А. А. Зиновьев совершенно четко констатирует противоречие между политической и социальной сферами западного общества. Если в политической сфере наличие хотя бы формальных демократических институтов и процедур сомнений не вызывает, то в социальной сфере западного общества демократия даже не декларируется, не говоря уже о ее полноценной реализации. В условиях господства транснациональных корпораций и банков

социальные отношения носят отчетливо выраженный конкурентно-рыночный характер. В такой социальной среде идеалы гуманизма и народовластия фактически стигматизируются и редуцируются до декоративных имитаций.

Социальные, политические, культурные, ценностные аспекты бытия постсоветской России характеризуются множеством острых противоречий. И. Б. Фан, отмечая фактическую деградацию декларируемых публичных институтов и рост неформальных личных связей, пишет, что «население России представляет собой множество, разделенное на социальные ниши, кланы, семьи, группы, в каждой из которых – разные основания деления на *своих и чужих*. Государственная власть способствует поляризации общества, делению его на инсайдеров – «политический класс», «элиту», и аутсайдеров – подавляющее большинство населения» [13, с. 302–303]. Такая поляризация не может не подрывать как коммуникативное взаимодействие в социуме, так и его деловые связи, что лишь архаизирует социальные отношения в целом. Следует согласиться с обоснованным мнением Л. Г. Фишмана, утверждающего, что «в современных обществах универсализм сдает позиции плюрализму идентичностей, и прагматизм интересов начинает господствовать над нормативностью больших идеологий» [14, с. 130].

В результате кризис всей социальной системы получает дополнительную подпитку. Ведь отсутствие представлений о социальных идеалах, ориентирах развития вызывает принятие таких решений, которые в принципе не способны приводить к социальной консолидации, преодолению острых противоречий. Как отмечал А. А. Зиновьев, «творцы постсоветизма нарушили закон однокачественности компонентов социальной организации, пытаясь соединить взаимоисключающие черты коммунистической власти, капиталистической экономики и феодальной идеологии, слепив на скорую руку социального монстра (“рогатого зайца”), годного для музея социальных уродов, а не для жизни большого народа. Неизбежным следствием этого явилась дезинтеграция органической целостности страны на множество разрозненных структур...» [8, с. 428].

Российский опыт последних десятилетий, связанный с созданием рыночной экономики, встраиванием в глобальные экономические структуры, масштабным внедрением цифровизации, требует своего всестороннего осмысления и непредвзятого анализа. Формирование различных моделей поведения и социальных норм лишь соответствует корпоративной этике добродетелей, закрепляющей дальнейшую индивидуализацию общества и поддержание в нем ориентиров на потребительскую культуру. Такая локализация общества в реальности сужает индивидуальные

возможности, которые дополнительно ограничены ростом внутренней конкуренции в социуме и разрушением созидательно-производственной деятельности. И все эти изменения подаются как преобразование ради прогресса. Однако, как отмечает А. Г. Чернышов, «...сегодня перемены становятся культом и целью, оправдывающей средства достижения определенного умозрительного результата. Реформа ради реформы как оправдание для власти и действующей системы управления своего существования» [15, с. 153]. А это вызывает тенденцию размывания прежних ценностных ориентиров и негативного отношения к модернизационным изменениям, ведь они воспринимаются в обществе в качестве действий, которые посягают на традиционные основы общежития людей. Следствием нарастающего кризисного состояния общества, по мнению О. М. Кордас, являются нигилистические настроения, поскольку «индивидуальное сознание реагирует на кризис не критическим его осмыслением и попыткой конструктивного преобразования реальности, а уходом в абсолютное недоверие, в отрицание как иррациональную реакцию» [16, с. 20].

Очевидно, что сегодня и в западном, и российском обществе происходит мучительное осознание тупиковости дальнейшей реализации либерально-демократических идей. Однако в сложившихся условиях реальной альтернативой этому курсу явилось формирование своеобразного корпоративного государства с признаками сословной организации социальной структуры. Его наглядной сутью стали стремление к порядку и стабильности, опора на всеобъемлющую бюрократическую модель управления. И в этой ситуации индивид оказывается в крайне сложной ситуации, для которой стало характерно разрушение внутренней целостности человека, его сущностных качеств, когда работа превращается в оковы, препятствующие развитию личности, а навязываемая гедонистская модель поведения лишь формирует экзистенциальный вакуум [17, с. 21; 18, с. 69]. Только этим можно объяснить фактическое разрушение субъектности общества, размывание ценностных ориентиров и прежних социальных завоеваний. Как с горечью отмечал А. А. Зиновьев, «...человечество как целое утратило смысл самого своего социального бытия. Оно убило сам фактор своего понимания» [8, с. 521].

Развивая идеи А. А. Зиновьева и через их призму осмысливая опыт происходящих в мире социальных трансформаций, можно прийти к нескольким взаимосвязанным выводам.

Во-первых, хотя сам факт глобального кризиса является сегодня бесспорной очевидностью, однако природа и суть этого кризиса не столь очевидна и однозначна. В центре внимания исследователей и экспертов находятся отдельные аспекты и стороны

глобального кризиса: демографический, инфраструктурный, включая нынешний кризис системы здравоохранения в связи с ковид-пандемией, финансово-экономический, энергетический и др. Но надо понимать, что все эти аспекты носят частный характер. Потому частные кризисы не исчерпывают собой содержание и крайнюю опасность разворачивающегося глобального кризиса.

Во-вторых, глобальный кризис среди прочего выражается в неуклонно возрастающей дезорганизации социальной жизни, всех социальных институтов и сфер общественной жизни. На наших глазах практически все социальные структуры утрачивают свою адаптивность, идентичность и устойчивость, в них нарастают дисфункции и сбои, а механизмы коррекции работают несогласованно и даже порой хаотично.

В-третьих, важнейшим аспектом и одновременно одной из фундаментальных причин всеобъемлющего глобального кризиса выступает рассогласование целей общественного развития и используемого для достижения этих целей набора средств и методов. Применяемые средства не обеспечивают продвижения общества к декларированным номинальным целям, а скорее, наоборот – препятствуют достижению этих целей.

В-четвертых, точная диагностика и адекватное осознание современного глобального кризиса принципиально затруднено длительным господством разнообразных имитаций в социальном пространстве. Имитация демократии, разделения властей и подлинного верховенства права не только негативно влияют на общественное сознание, но и существенно препятствуют ясному пониманию глобального кризиса и разработке эффективной стратегии по его преодолению.

Таким образом, современному российскому обществу настоятельно необходимо осмыслить и решить целый ряд взаимосвязанных проблем.

Прежде всего, государственным структурам и всему социуму следует системно определить цели и характер своего развития, которые задают идеал и перспективы развития. Причем эти цели и задачи должны быть понятны всему обществу, они должны приниматься если не всем обществом, то его большинством, т. е. в полном смысле демократичны.

Кроме того, следует выработать и сформировать такие социальные механизмы, которые были бы аксиологически обоснованы. Иначе говоря, адаптивность и действенность социальных механизмов развития социума напрямую зависит от того, как они обеспечивают реализацию на практике основополагающих ценностных приоритетов большинства граждан.

Необходима аксиологическая обоснованность социальных механизмов развития естественным

образом предполагает опору на проверенные временем и накопленным историческим опытом традиционные формы и моральные принципы социальной коммуникации, которые могут помочь в сохранении и развитии важнейших устоев общества перед лицом масштабной западнизации.

Также требуются выработка и отладка механизма действенного контроля над деятельностью различных институтов власти с целью поддержки широкой гражданской активности и развития общественного самоуправления.

Реализация указанных направлений должна послужить минимизации кризисных проявлений в обществе и заложить основания для преодоления им социальной дезориентации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Галкин А. А. Поступь глобализации и кризис глобализма / А. А. Галкин // *Полития*. – 2002. – № 2. – С. 5–21.
2. Дежнев В. Н. Образ будущего России как отражение традиционных отечественных ценностей / В. Н. Дежнев // *Общество : философия, история, культура*. – 2021. – № 12. – С. 108–113.
3. Воронина О. А. Мультикультурализм : политизация культурных различий или путь к диалогу / О. А. Воронина // *Философская мысль*. – 2019. – № 7. – С. 37–48.
4. Дубин Б. В. Симулятивная власть и церемониальная политика. О политической культуре современной России / Б. В. Дубин // *Вестник общественного мнения*. – 2006. – № 1. – С. 14–25.
5. Барышева Е. В. Репрезентация власти как форма политического конструирования социальной среды / Е. В. Барышева // *Вестник РГГУ. Сер.: Политология. Социально-коммуникативные науки*. – 2011. – № 1. – С. 123–130.
6. Зиновьев А. А. Идеология партии будущего / А. А. Зиновьев. – М. : Эксмо, 2013. – 240 с.
7. Шалюгина Т. А. Имитация в современном российском обществе : сущность, субъекты воздействия, социальное пространство проявления : автореф. дис. ... д-ра филос. наук / Т. А. Шалюгина. – Ростов н/Д., 2012. – 62 с.
8. Зиновьев А. А. Фактор понимания / А. А. Зиновьев. – М. : Алгоритм : Эксмо, 2006. – 528 с.
9. Medushevsky A. Conservative political romanticism in post-Soviet Russia / A. Medushevsky // *Power and Legitimacy – Challenges from Russia*. – L. ; N.Y. : Routledge, 2013. – P. 169–187.
10. Хайек Ф. А. Право, законодательство и свобода : современное понимание либеральных принципов справедливости и политики : пер. с англ. / Ф. А. фон Хайек. – М. : ИРИСЭН, 2006. – 644 с.
11. Сергеенко А. С. Имитационная демократия в условиях современной России : проблемы и пути решения / А. С. Сергеенко // *Вестник Курганского гос. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки*. – 2011. – Вып. 7, № 3. – С. 101–104.

12. *Зиновьев А. А.* Запад. Феномен западнизма / А. А. Зиновьев. – М. : Центрполиграф, 1995. – 460 с.

13. *Фан И. Б.* Политическая онтология российского гражданина : содержание против формы / И. Б. Фан. – Екатеринбург : Урал. ин-т управления – филиал РАН-ХиГС, 2018. – 332 с.

14. *Фишман Л. Г.* Капитализм и культура / Л. Г. Фишман // *Полития*. – 2018. – № 4. – С. 122–139.

15. *Чернышов А. Г.* Управление через призму философского осмысления действительности : социально-политические аспекты / А. Г. Чернышов // *Власть*. – 2018. – № 4. – С. 151–155.

16. *Кордас О. М.* Фундаментализм и нигилизм как формы конфликтного сознания / О. М. Кордас // *Гуманитарные исследования*. – 2020. – № 2. – С. 18–20.

17. *Ковшов Е. М.* Роль рефлексии в анализе предпосылок оппозиции «либерализм – коммунитаризм» / Е. М. Ковшов // *Вестник Самар. гос. техн. ун-та. Сер.: Философия*. – 2020. – № 2. – С. 17–25.

18. *Максимова Л. Н.* Антропологические риски современных изменений / Л. Н. Максимова, А. В. Федорова // *Вестник Поволж. ин-та управления*. – 2021. – Т. 21, № 4. – С. 61–73.

Воронежский государственный медицинский университет имени Н. Н. Бурденко

*Руженцев С. Е., доктор философских наук, профессор кафедры педагогики и гуманитарных дисциплин
E-mail: rsevrn@gmail.com*

Смирнов А. В., кандидат политических наук, доцент кафедры педагогики и гуманитарных дисциплин

E-mail: alex48sm@mail.ru

Voronezh State Medical University named after N. N. Burdenko

*Ruzhentsev S. E., Dr. Habil. in Philosophical Sciences, Professor of the Pedagogy and Humanities Department
E-mail: rsevrn@gmail.com*

Smirnov A. V., PhD in Political Sciences, Associate Professor of the Pedagogy and Humanities Department

E-mail: alex48sm@mail.ru